

Евгения Лекаревич

Неуверенный автор

В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Yauheniya Lekarevich

The Uncertain Author in Encyclopedias for Girls

Евгения Лекаревич (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, младший научный сотрудник) e.lekarevich@gmail.com.

Yauheniya Lekarevich (Junior Researcher, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences) e.lekarevich@gmail.com.

Ключевые слова: гетеронормативная социализация, возрастная нормативность, консультационная литература, механизмы авторизации

Keywords: heteronormative socialization, age normativity, consultative literature, mechanisms of authorization

УДК: 801.73

UDC: 801.73

Статья посвящена одному из массовых жанров детской литературы — энциклопедиям для девочек, декларируемой целью которого является гетеронормативная социализация. В центре исследования — механизмы авторизации, которые сочинители энциклопедий используют для легитимации своей позиции советчика, инструктирующего девочек о гендерном порядке. Основным инструментом этого процесса видится репрезентация подросткового тела: конструирование отчужденного восприятия телесного и обоснование необходимости контроля над ним используется писателями для установления авторитетной позиции. Очерк истории жанра позволяет рассмотреть динамику представлений о возрастной нормативности в контексте отношений «писатель — читатель».

This article is dedicated to one of the mass genres of children's literature — encyclopedias for girls, the declared goal of which is heteronormative socialization. At the center of the study are the mechanisms of authorization, which the compilers of the encyclopedias use for the legitimation of their position as adviser, instructing girls about gender norms. The main instrument of this process seems to be the representation of the adolescent body. The construction of an alienated perception of the body and the justification of the need to control it are used by the writers for the establishment of an authoritarian position. The outline of the history of the genre allows for the examination of the dynamics of representation of age normativity in the context of the relationship of "writer/reader."

В работе «Скрытый взрослый: определяя детскую литературу» Перри Нодельман обнаруживает *взрослого* в детской литературе несколько театрально: взрослый автор, имя которого указано на обложке, где детское имя не может оказаться *априори*, представляется *скрытым* несмотря на обозначенное зачастую без всякой мистификации авторство [Nodelman 2008]. Но именно *априори* и ставится под разбор. Театральность жеста Нодельмана понятна: чтобы ставить нормативное в позицию анализируемого, его нужно «обнажить», чтобы деконструировать, нужно прежде «обнаружить» конструкцию. Нодельман как бы впервые обращает внимание на парадоксы детской литературы: предназначенная детям, она пишется взрослыми, пишущаяся взрослыми, она адресована не только детям. В статье о колонизации детской литературы и в целом всего детского мира взрослыми Нодельман ставит эту же проблему в постколониальном ключе: каким интересам взрослых служит репрезентация детского в детской литературе [Nodelman 1992: 34]?

Во многом следуя за Перри Нодельманом, Мария Николаева предлагает понимать систему отношений «писатель — читатель» в детской литературе как частный случай системы отношений «взрослый — ребенок», для описания которой она вводит термин *этонормативность* (aetonormativity), построенный по аналогии с центральной категорией квир-теории — гетеронормативностью. Под этонормативностью понимается «нормативность взрослого, формирующая детскую литературу» [Nikolajeva 2009: 8]. Вне зависимости от того, насколько хорошо проработана сейчас *этонормативность* как теоретическая и аналитическая категория, само ее возникновение во многом не случайно: наследуя традиции критической теории, гендерных исследований и постколониальной критики, Мария Николаева, как и многие другие исследователи детской литературы, настраивает фокус внимания на баланс и распределение власти [Коутс, Трайтс 2011: 66].

В понимании Джудит Батлер репрезентация не может быть подлинным выражением некоего эссенциально присущего субъекту свойства, она всегда конструирование этого свойства [Батлер 2000]. Конструирование специально детского, как и специально женского, опыта может быть проблематизировано уже как любая попытка репрезентации, в которой всегда присутствует власть одного — описывать, называть, и участь другого — быть названным. Если художественная книга предполагает солидарность с вымышленным персонажем, то дидактический текст апеллирует к аудитории менее опосредованными способами, а конструирование идентичности ставится «официальной» задачей функционального жанра.

В детской литературе существует давняя традиция, объединяющая наставительные произведения, образующие жанр, пособничающий в установлении гетеронормативности. Читательницы этих книг должны встроиться в гетеронормативные отношения, где приобретение гендерной идентичности предполагается «естественным» этапом взросления. Пользуясь современным самоназванием жанра, я буду обозначать их как *энциклопедии для девочек*, однако для него возможны и другие определения. Катриона Келли в своем исследовании круга текстов разных эпох, содержащих советы, указания и рекомендации, использует англоязычный термин «advice literature» [Kelly 2001], в статье Энди Байфорда этот же термин переведен как «консультационная литература» [Байфорд 2013: 7]. Современные наставительные тексты для девочек также могут рассматриваться как «conduct books», как, например, в исследовании Алисон Винч, посвященном «текстам, которые принадлежат... традиции, целью которой является управление гендерированным поведением» [Winch 2011: 368].

Я рассматриваю детскую литературу как форму социального инструктажа, где функция-автор [Фуко 1996] может принимать любое значение от нуля до единицы: от регрессирующего в детское состояние взрослого и растворения автора в анонимности до благопристойной писательской биографии и классического педагогического авторитета. Материалы энциклопедий для девочек ставят перед нами вопросы о том, что влияет на тип авторизации. Почему в одних случаях взрослый «выходит в открытую», представляясь читателям и обосновывая свой авторитет советчика, а в других — предпочтет остаться «скрытым взрослым», используя притворный детский голос? Саморепрезентация писателя в первом случае и репрезентация подросткового во втором обслуживают одни и те же дидактические цели — авторизация в тексте

позволяет установить доминирующую позицию по отношению к читателю-подростку и легитимно конструировать детский опыт. Но от чего зависит выбор приема?

Очерк истории жанра

Познавательная литература, адресованная молодым женщинам, появилась в Российской империи уже в XVIII веке и развивалась наиболее активно в Екатерининский период [Kelly 2001]. Политическая программа женского образования требовала учебных пособий для будущих просвещенных жен и выходящих в свет девиц. Во второй половине XVIII века Российская империя принимает импорт представлений о детском, педагогических идей и детской литературы [Костюхина 2008; Сергиенко 2015]. Репертуар начинает формироваться с жанров нравоучительной беллетристики и беседы, переведенных с немецкого, английского и французского языков.

Нравоучительная повесть XVIII века представляла собой «научение из примера»: конструируя прецеденты добродетельного и непокорного поведения, она репрезентировала ребенка как обезличенную функцию того или другого, наказывая или поощряя. Инна Сергиенко отмечает, что педагогическая пружина жанра, приводившая в действие дидактический механизм, — сюжет о смерти от непослушания [Сергиенко 2015: 122].

С 1760-х годов начинается первый издательский пик консультационной литературы для юношества, дебутирующей в разных жанрах: от родительского послания до назидательной беседы. Руководства для девиц начинают издаваться уже с 1760-х, как влиятельные книги г-жи де Ламбер (1761) и Лемпернс де Бомон (1761), родительские послания Татищева (1773) и Теплова (1768), книги для девиц пишут такие крупные педагоги, как Кампе (1803). В XIX веке популярность жанра начинает угасать: складывается критика детской литературы и институциональная регламентация чтения [Лучкина 2013]. Детская книга постепенно переходит к принципу «скрытой назидательности» [Костюхина 2008: 58], а консультационные издания переходят из юношеского сегмента во взрослый.

Периоды бытования нравоучительных жанров схожи. Нравоучительная повесть вышла из издательского и читательского обихода уже к концу XIX века [Сергиенко 2015: 113]. Интенсивность издания инструктирующих пособий, активно печатавшихся в XVIII веке и напрямую адресованных молодым женщинам, сильно падает в последней трети XIX века. Гендерная революция XX века на время оставила не востребуемым консервативный способ картографирования женских компетенций для детей в специальных пособиях. Этот способ перестает быть актуальным для андрогинного советского ребенка, но остается требованием для равноправной советской женщины, «освобожденной от домашнего труда».

Наставления и руководства для девочек, исчезнувшие почти на сотню лет, не пополняют состав «реликтовых пластов детской литературы», а переживают возрождение в конце XX века и оказываются востребованными в начале XXI века. Энциклопедии для мальчиков и девочек постепенно возвращаются в обиход с 1960-х годов. На протяжении двух десятилетий (1970—1980-х) издавалось около одного нового наименования в год, часть книг была перевод-

ной, тиражи были велики, и переиздания — многочисленны¹. Уже в 2010-х годах ежегодно публикуется несколько десятков книг, предлагающих девочкам инструкции о том, как следует *исполнять* гендер².

Проект энциклопедии для девочек производит сложную работу по компиляции текстов разных лет и даже эпох. Имена авторов часто не значатся на обложках, а иные писатели удивительно продуктивны. Компиляция — давняя традиция жанра: «Карманная, или Памятная книжка для молодых девиц» [Карманная книжка 1784], изданная анонимно, включает в себя фрагменты «Писем госпожи де Ламберт к ея сыну» (1761); постсоветские «Энциклопедия для маленьких принцесс» [Энциклопедия 1995] и «Энциклопедия для девочек» [Энциклопедия 1994] перепечатывают «Энциклопедию сексуальной жизни» [Верду 1990]. При этом «Энциклопедия» 1994 года не указывает источник цитирования, а также заимствует главы из книги Софьи Могилевской. В энциклопедиях 1990-х встречаются, наряду с отсылками к глянцевым журналам, и отсылки к книгам XVIII—XIX веков: «Честному зеркалу» (1717) [Коротеева 1992] или «Соннику г-жи Ленорман» (1896) [Дёмина 2000].

Говорить о консультационной литературе как о жанровом образовании затруднительно, поскольку содержание этих книг вариативно, несмотря на общие педагогические задачи. Так, одни книги могут в большей мере следовать традиции наставительных бесед, чем другие. Структура компетенций может включать в себя более и менее гендерно-специфические нормы и навыки; стилистика текста может тяготеть к публицистике или к познавательной, психологической литературе. Тем не менее, рассматривая тексты «энциклопедий» как функциональный жанр — инструктаж девочек-подростков по вопросам производства гендера, — мы получаем свидетельство о том, как взрослые предписывали детям *исполнять* гендер в ту или иную эпоху.

Авторство и авторизация

«Естественное право» родителя и педагога учить из личного примера, опираясь на возраст и опыт как педагогический ресурс, хоть и может казаться «естественным» или в более критическом осмыслении — прямым следствием этонормативных отношений в вертикалях власти «ребенок — взрослый»,

-
- 1 Советская консультационная литература для детей издавалась тиражами от 65 000 экз. (Алешко, «Юноше, обдумывающему жизнь», 1976) до 300 000 экз. (Римкунас, Бергман, «Что должна знать каждая девушка» 1984), в 90-е годы XX века тиражи держались на уровне 50 000 экз., для изданий последних лет характерны тиражи в 3000—4000 экз. Для сравнения: Келли указывает, что «Детское училище» Лепренс де Бомон (1761—1767) вышло тиражом в 2000 экз. с многочисленными переизданиями [Kelly 2001: 29].
  - 2 Единственным источником текущей библиографии для такого рода изданий является «Книжная летопись», однако сведения, представленные в ней, недостаточно полны, не каждый издатель представляет Книжной палате «обязательный экземпляр» для описания. Если совместить данные летописи с ассортиментом интернет-магазинов, то обнаружится, что в 2016 году в распоряжении книгопродавцев и библиографов оказалось 24 «энциклопедии» русскоязычных авторов и 7 переводных, а в 2017 году — 25 русскоязычных и 4 переводных.

в действительности эволюционирует вместе с эпистемологическими представлениями эпохи.

Анализируя присутствие разных педагогических модальностей в средневековых дидактических текстах, Хуанита Ферос Рёйс показывает, что «опыт» в XVI—XVII веках становится так же значим, как «разум» в эпоху Просвещения [Ruys 2008: 130], отмечая, что для пишущих родителей поздней Античности и раннего Средневековья личный опыт не был доступен в качестве педагогического ресурса. Рёйс исследует «дидактическое “я”» родителя, постепенно набирающее громкость, понимая под ним «голос рассказчика, который опирается на собственную власть *научать*»³. Рёйс называет использование авторитетного источника и научение из примера конвенциональными педагогическими модальностями, демонстрируя, как личный опыт постепенно становится все более легитимным ресурсом с развитием традиции родительского послания.

Переводная назидательная литература для девиц в российском XVIII веке преимущественно издана за мужским авторством. Викторианский процесс присвоения женщинам статуса «морального ориентира» заметен в некоторой степени и в России XIX века. Как отмечает Келли, доступ женщин к публичной сфере был возможен при поддержке писательницами патриархатного режима [Kelly 2001: 126, 154].

Несмотря на то что текст, произведенный взрослым и, более того, напечатанный, уже может представляться в некотором роде авторитетным, писатели зачастую прибегают к дополнительным способам подтверждения своих прав на наставление юношества. Это может быть открытое присутствие автора в тексте — представление себя читателям во введении или прямые отсылки к разным типам опыта. Встречаются и скрытые способы авторизации: традиционное для наставляющего текста обращение к авторитетному источнику и научение из примера.

В этой работе я рассматриваю способы авторизации в русской инструктирующей литературе для девочек, проводя сравнительный анализ текстов на двух пиках популярности этого жанра: конец XVIII — первая четверть XIX века и начало XXI века. Меня интересует, связаны ли предпочитаемые способы авторизации с эпохой, институциональной позицией и гендером автора.

В качестве материала для анализа отобраны тексты консультационной литературы, адресованные девочкам и молодым девушкам. Условиями включения текстов были российское авторство и содержание, отражающее полный круг «женских компетенций» (мода, красота, физкультура, отношения и т. д.), а не отдельный ее аспект. Например, энциклопедия, которая посвящена только вопросам сексуального образования или домоводства, не рассматривается, но если в тексте присутствует несколько таких тематик, то произведение включалось в подборку. В работе рассматриваются два текста российских и два текста анонимных авторов конца XVIII — первой четверти XIX веков, стратегии авторизации именитых авторов сравниваются с анонимными, чтобы рассмотреть разницу в использовании приема. Для XXI века исследование про-

3 Работа Рёйс отталкивается от концепции «поэтического “я”» — авторского голоса в тексте (которое в русском литературоведении принято называть «лирическим героем»), в противовес «эмпирическому “я”» — автору с его чувственностью и телесностью, см.: [Spitzer 1946].

ведено на материале 21 текста современных энциклопедий для девочек (2001—2015 годов), вошедших в корпус детской литературы⁴.

Чтобы обнаружить все появления автора в XVIII—XIX веках, при каждом его появлении были закодированы способы авторизации (это касается и анонимных текстов). В случае более объемного корпуса современных энциклопедий для девочек полный просмотр изданий был заменен автоматизированным поиском контекстов, в которых употребляются личные местоимения. В тех из них, где фигурирует авторская позиция, осуществлялось кодирование типов авторизации. Было выделено три типа: 1) конструирование опыта читательницы; 2) ссылка на личный опыт или мнение автора; 3) научение из примера — другого персонажа (подростка или взрослого). Предпочтения в способах авторизации соотносились со сведениями об авторе, доступными из выходных данных, самих текстов энциклопедий и биографических справок.

XVIII—XIX века: автор представляется взрослым

Русская литература XVIII—XIX веков усвоила множество образцов жанра назидательной беседы с ребенком. Но я начну анализ с тех текстов, которые представляют собой пособие, структура текста которого сообщается со структурой компетенций, необходимых, по мнению авторов, для успешной социализации. Меня интересуют тексты, непосредственно касающиеся *женской* гендерной социализации, поэтому книги, адресованные мальчикам или детям обоего пола, как книги Болотова или Друковцова, в мой объектив не попадают. Однако для того, чтобы рассмотреть разницу в подходах к авторизации, анализируются два анонимных текста: «Карманная, или Памятная книжка для молодых девиц, содержащая в себе наставления прекрасному полу, с показанием, в чем должны состоять упражнения их» (1784) и «Гостинец прекрасным малюткам, или Наставление молодым девицам в разных рукоделиях и домашнем хозяйстве» (1821).

В назидательной книге «Советы семидесятилетней бабки внуке» семидесятилетняя бабка — это дидактическое «я» Третья Борноволокова, ученого-химика, члена-корреспондента Академии наук и пишущего родителя, чей дебют в детской литературе случился в 1808 году с выходом книги «Отцовский подарок дочери при вступлении ее в свет». Борноволоков отмечает во вступлении, что в «Советах» он является лишь издателем текста, который был поручен ему «доброй почтенной старушкой».

«Советы» открываются утверждениями старушки-Борноволокова: «Юношество в отношении к поведению совершенно слепо, а по тому и имеешь великую надобность в вожатом — кто же, кроме родителей, может быть лучшим и надежнейшим путеводителем?» [Борноволоков 1809: 8]. Образы доброго и злого ребенка чередуются, создавая контраст детских характеров на фоне ка-

4 Корпус детской литературы (Деткорпус) — это коллекция текстов, которая отражает литературный процесс XX—XXI вв. и доступна по адресу: <http://detcorpus.ru>. Коллекция энциклопедий для девочек в составе корпуса была сформирована мной. Одним из важных условий, влиявших на отбор изданий для включения в корпус, была доступность электронной копии. Полный состав подкорпуса доступен по соответствующей жанровой метке.

тастрофы Божьего гнева и незаслуженного родительского горя, а завершается глава выражением надежды на то, что юная читательница «покорна и благо- нравна» и «соделывает счастье родителям». Репрессивные стратегии Борноволокова строятся на религиозном дискурсе; напомним, что, несмотря на образ старшей советчицы, который использует автор, он является пишущим *родителем*, его первая книга — образец отцовского послания дочери.

Яков Иванович Воскресенский, в отличие от Тертия Борноволокова, — профессиональный педагог, исполнявший должность законоучителя в Екатерининском институте с 1813 года. В своем представлении «благородным воспитанницам» автор презентует себя как исполнителя родительского, монаршего и Божьего изволения. Делегат всей власти, естественно господствующей над ребенком, женщиной, воспитанницей, Воскресенский пишет: «...почитаю долгом сообщить вам правила здравомыслия и благоповедения, яко близкия с преподавание закона, возложенным на меня» [Воскресенский 1813: 2]. После представления в предисловии автор практически не появляется в тексте, он не апеллирует к личному или универсальному опыту, но полагается преимущественно на Закон Божий. Постоянное укрепление указаний библейским авторитетом освобождает этого автора от применения дополнительных контролирующих дискурсов. Однако в главах, которые можно назвать специфически женскими («Об обязанностях супруги», «О воспитании детей»), в отличие от всех прочих, ссылки на библейские тексты внезапно скудеют, зато вместо них появляются отсылки к Кампе.

Заметное сходство в отсутствии авторизации, самопрезентации автора или обосновании авторитета демонстрируют анонимные тексты. В двух проанализированных текстах авторское «я» просвечивает редко, и кажется, что случайно, оно не работает на дидактическую фигуру автора и скорее похоже на обмолвки, чем на продуманный прием: «*знаю* также и то, какое нежные голоса в сердцах впечатление производят», «известно *мне*, что в те времена...» [Карманная книжка 1784: 8], «я держусь такого мнения, первый кажется мне вреден» [Там же: 26] — автор прямо проявляется в тексте всего три раза. В «Карманной книжке» наблюдается разнообразие способов авторизации: трижды автор отсылает к античному автору (Плутарх, Галлен, Афиней), дважды к Античности без именованного источника: «один из просвещенных древних язычников говаривал...», «у греков и римлян были такие места...» [Там же: 8, 27]. Чаще писатель обращается к библейскому опыту (всего девять упоминаний). В «Гостинце прекрасным малюткам» автор появляется и вовсе один раз: «Чтоб вы знали, любезные дети, как растереть кофе, чай и сахар и как оные готовятся, хочу я вам теперь рассказать оное» [Гостинец 1821: 7], вообще же повествование ведется с позиции общего знания.

Элемент беседы, псевдиалога, содержится и в проанализированных текстах — Воскресенский дважды использует конструкцию «спрашивают — отвечаю», а «Гостинец», будучи книгой иллюстрированной, воспроизводит коммуникативную ситуацию чтения с разглядыванием картинок: «Что такое этот человек везет в тележке?» [Там же: 27] и вводит прямую речь отца с помощью конструкции: «Сии предметы и послужили к следующему разговору» [Там же: 14]. Тем не менее конструирование речи читательницы, которое будет активно употребляться в качестве авторизирующего приема в XXI веке, в этот период почти не наблюдается, новатором здесь выглядит Борноволоков:

«Не рассмейся оному и не скажи: вот какая странность! бабушка моя хочет, чтобы я в начале девятнадцатого столетия жила так, как она в начале восемнадцатого века». Верь мне, что так жить, как я хочу тебе посоветовать, не будет странно никогда» [Борноволоков 1809: 184—185].

Рассуждения «старушки» о непокорных детях-отцеубийцах и экспрессивный накал в изображении гневного Бога, в какой-то момент будто бы заставляют автора самого почти сочувствовать читательнице. Борноволоков выражает мнение, что порочное дитя послано родителям в наказание за их собственные грехи, а затем вкладывает в уста читательницы изречение, полное фатализма: «Ах, как тяжело, как больно быть орудием гнева Божьего!!!» [Там же: 20]. Этот прием — конструирование опыта читателя с помощью высокоэкспрессивных высказываний и дальнейший переход к советам о нормализации проблемной ситуации — в XXI веке авторы будут использовать часто.

Консультационная литература для девочек XVIII—XIX веков в обосновании собственной необходимости может ссылаться на категории светского и гражданского долга [Карманная книжка 1784: 4; Борноволоков 1809: 19; Воскресенский 1813: 1]. Два анонимных произведения сильно отличаются друг от друга по адресации: девицы и малытки представляют собой две разные возрастные группы, содержание первой книги несколько куртуазно, второй — несколько энциклопедично, однако объединяет их заметное на фоне двух авторских произведений отсутствие политической программы. Напротив, и Воскресенский, и Борноволоков посвящают *основное* содержание своих произведений гражданскому и политическому воспитанию.

Отметим: автор без институционального авторитета прибегает к жесткому контролирующему дискурсу, постулируя власть и авторитет родителя над ребенком, а свою собственную — еще и над родителем, прибегая к построению специального надпоколенческого опыта. Автор с высоким институциональным статусом коротко указывает его наличие и обосновывает свою мысль в соответствии со Священным Писанием, уверенно диктуя перечни правил. Анонимные же авторы не демонстрируют ни того, ни другого: институциональный авторитет не описывается вовсе, дидактическое «я» фактически отсутствует в тексте; вся педагогическая трансляция ведется с позиции общего знания.

XX—XXI века: автор притворяется ребенком

За время, разделяющее феномен ранней и современной назидательной книги для девочек, педагогические программы вобрали в себя психологические концепции развития ребенка, требуя от воспитателя (и родителя) новых компетенций. Научение из примера успело стать старомодной стратегией, эксплицитированное дидактическое «я» перестало быть новацией. В ситуации 1990-х на книжный рынок вступило множество коммерческих авторов разной степени профессиональности, от чьей плодотворности зависела их экономическая позиция в условиях рынка. Ослабление роли государства одновременно в экономике и сфере социальной поддержки способствовало консервативной мобилизации, идеологическую основу которой удобно обеспечивает консервативный семейный дискурс [Шадрин 2017].

В производстве этого дискурса и сегодня занято множество коммерческих авторов, часто скрытых за псевдонимами. Разобрать, кому именно принадлежит тот или иной текст, порой бывает трудно: одни и те же книги могут переиздаваться под разным авторством, для некоторых изданий используются коллективные псевдонимы. Чаще всего энциклопедии для девочек издаются под женскими именами и написаны от лица женщин (порой эти имена значатся лишь на концевом титульном листе), однако судить о гендере автора затруднительно. Впрочем, не все писатели энциклопедий безвестны и не все они представляются женщинами. Например, в коллекции есть текст, соавтором которых стал известный детский писатель Эдуард Веркин. В энциклопедиях 2000—2010-х годов авторы не представляются издателями ни в соответствии с традицией назидательной детской литературы — как отцы и матери, мудрые советчики, ни в соответствии с требованиями времени как профессионалы — детские психологи и педагоги. Авторитет писателя легитимируется только возрастом и принадлежностью к литературной профессии. Авторы энциклопедий избирают новую стратегию легитимации себя как советчиков: они устанавливают собственный авторитет через конструирование опыта читательниц.

Чтобы рассмотреть позицию говорящего в текстах энциклопедий, использовалось кодирование контекстов употребления личных местоимений первого лица единственного числа. Говорящий не обязательно выражается первым лицом — в распоряжении писателя широкий круг эгоцентрических элементов языка и косвенных способов проявиться в тексте. В рамках моего исследования рассматриваются формы местоимений первого лица, с тем чтобы обнаружить самые явные и простые логики авторизации. Корпус детской литературы, который использовался для этой задачи, позволяет отыскать все контексты с искомой словоформой и сформировать конкорданс — список таких контекстов.

В конкорданс вошло 2683 употреблений личных местоимений, все они были просмотрены и закодированы вручную, что позволило отделить более интересные результаты от менее релевантных. Чуть более четверти всех «я» относятся на счет речи от лица персонажей: детей (555, или 20,7%), взрослых (106, или 4%) и персонажей, чей возраст не эксплицирован (51, или 1,9%). Популярным писательским приемом оказывается конструирование опыта читателей: личные местоимения в речи от лица читателей встретились в текстах 418 раз (15,6%). Этот прием может оформляться, например, так: «Да, — киваешь ты, не поднимая головы. — Так уж получилось. Иногда я бываю забывчивой?» [Веркин, Усачева 2006]. Автор-повествователь появляется в текстах реже: 301 раз (11,2%) — повествовательный режим осуществляется через конструкции вида «поверь мне» или «скажу я тебе». Личный опыт авторы описывают совсем редко, в таких контекстах личные местоимения встретились 111 раз (4,1%). Все остальные употребления местоимения «я» (42,5%) не имеют прагматики авторизации⁵.

Авторизируясь как советчицы, некоторые сочинительницы рефлексиируют свой опыт писательства, а также используют интонацию, «уравняющую» их с читательницами, обнаруживая свое желание стать читательницам подру-

5 Например, психологические тесты, позитивные аффирмации, гадания и заговоры, тексты, сопровождающие игры, цитаты. Та часть личных местоимений, которая не относилась на счет людей, исключалась из кодирования (речь животных, растений), часть вхождений обусловлены особенностями работы морфологического анализатора.

гами. Авторитет взрослого как воспитательный ресурс используется нечасто, авторы как бы стремятся к «диалогу на равных»:

Так или иначе, тебе, наверное, хочется узнать, кто написал ее <книгу>, кто взялся давать тебе советы и учить жить, да? Так вот, этот «кто-то» — я. Самое интересное, что я, автор книжки, — такая же девчонка, как и ты. В чем-то лучше тебя, в чем-то хуже. <...> Сейчас я немного старше тебя, потому немного опытнее, немного мудрее. Мне так кажется. А недавно, еще вчера, я была совсем как ты [Луковкина 2013].

Признаюсь сразу — в детстве я подобных энциклопедий не читала. Вообще с книгами не очень дружила. — Неужели дряхлые писательницы будут меня жизни учить? — Да и автору до семидесяти пилить и пилить. Я сама еще многого не знаю. Но что знаю, тем поделюсь [Веркин, Усачева 2006].

Авторитет взрослого как контролирующей инстанции снижен по сравнению с текстами Просвещения, авторы стараются дистанцироваться от всего старомодного, морализаторского: «давать советы», «учить жизни» — само существо жанра переопределяется писательницами как установление дружбы, выстраивание горизонтали. В одной из книг вводная глава так и называется: «Наши с тобой отношения» [Мазаева 2011]. Выстраивая отношения, а не педагогическую программу, авторы выражают не стремление научить, а стремление помочь. Обратим внимание на смысловую подоплеку этой перемены: *научать* можно любого не обладающего компетенциями, *помочь* можно только тому, кто нуждается в помощи.

Обращаясь к собственному опыту подростковости, писательницы, однако, нечасто изображают себя беспомощными. Примеры самоироничного описания неудач встретились только в книге Усачевой и Веркина, писателей с серьезным опытом в литературной профессии, в «Книге для стильных девчонок», на которую приходится 73,9% (82 из 111) всех ссылок на личный опыт автора. Описывая свой опыт, авторы редко углубляются в его рефлексию или проблематизацию, кроме того, контекст обращения к личному опыту автора — это часто контекст романтический. Основную же часть появлений писателя в текстах следует отнести на счет собственных суждений автора, ссылающихся на его «квалификацию» взрослого человека и использующихся для проецирования ситуации разговора: «Тут уж я скажу тебе однозначно» [Веркин, Усачева 2006], «Я не хочу тебя пугать, но...» [Андреева, Усачева 2012].

Иначе обстоит дело с конструированием образа читательницы. Сдержанность, присущая авторам при описании собственного опыта подростковости, неожиданно контрастна по отношению к репрезентациям переходного возраста, конструирующим опыт современного подростка. Для артикуляции переживаний девочки-подростка чаще всего используется прямая речь:

«У меня слишком длинный нос», «У меня очень короткие ноги», «У меня широкие бедра», «У меня слишком маленькая (слишком большая) грудь», «Я уродина» — такие мысли, наверное, уже приходили тебе в голову. Не правда ли? [Иванова 2008]

И вот ты, вздыхая, смотришь в зеркало и думаешь: «Что же делать, неужели я никогда не стану красивой, в чем же причина, может быть, я делаю все не так, как надо, или все советы по уходу за лицом самая настоящая ерунда?» [Снегирева 2012]

Рассматривая журнал с голливудскими красавицами, ты наверняка думаешь: «Да, ей-то хорошо! Она вон какая красивая, не то что я. У меня и веснушки на носу, и волосы какого-то непонятного цвета, а ноги годны только для того, чтобы на них очередь за картошкой отстаивать» [Синичкина 2000].

Репрезентация подросткового тела и формулируемая реакция на него обуславливается не только тем, что перед зеркалом стоит ребенок, осознающий свою не-взрослость, незавершенность своего тела, но и человек с *женским* телом — для которого сценарий совершенствования тела является проектом, который невозможно завершить, потому что это процесс производства гендера и гетеронормативности.

Подростковость, понимаемая в терминах переходности и транзита, описывается как жизнь во временном теле, перетерпев которую можно рассчитывать на приобретение тела более консистентного⁶:

Твое тело, пройдя начальные стадии роста, перестанет быть угловатым, неловким. Оно обретет более округлые, плавные формы, сделает тебя более женственной и изящной [Луковкина 2013].

Твое тело обретет правильные пропорции и станет намного привлекательнее. Поверь, это так! А значит, хватит вздыхать по поводу того, что и ноги, и бюст, и талия... Ведь ты еще совсем не сформировалась. И даже если сейчас ты несколько угловата и некрасива... [Иванова 2008].

Половое созревание приводит к гармонизации развития организма и устраняет все неполадки в его работе [Там же].

Подростковое тело — это тело незаконченное, несоразмерное, монструозный конструктор, детали которого подобраны таким образом, что удивительным кажется, как такая конструкция вообще сохраняет единство: «Непропорционально длинные руки и ноги, некрасивое лицо, нескладная фигура» [Там же]; «Конечности — слишком длинные, фигура — нескладная и угловатая» [Там же]; «Фигура становится непропорциональной: длинные руки и ноги, чрезмерная худоба и тому подобное» [Снегирева 2013]; «И нос слишком велик, и веснушек много, на щеках из-за них сплошной румянец, и ноги не такие длинные, как хотелось бы, а сбросить несколько килограммов и вовсе не помешало бы...» [Землянская 2009].

Такие репрезентации подросткового тела, между прочим, характерны не только для энциклопедий, написанных литераторами, но и для представителей гуманистического направления в детской психологии⁷. Тело в энциклопедиях для девочек осмысливается в контексте драматизированных изменений и

---

6 Впрочем, похожим образом тело конструируется и в нарративах «хронологически молодых» женщин о взрослении: «Взрослое тело воспринимается как символ стабильности, нечто статичное и финальное» [Omelchenko, Nartova, Krupets 2018: 7–8].

7 Например, известный психолог гуманистического направления Людмила Петрановская пишет: «Как успевать к этому привыкнуть, как собрать себя из этих столь разных частей, как будто кто-то делает хулиганский коллаж из журнальных фотографий: стан Анджелины Джоли приклеивает к личику с шоколадки “Аленка”, и выпускает ходить, жить и страдать? Подростку трудно поверить, что пройдет совсем немного времени, и дисгармония исчезнет, он обретет ладное юношеское тело» [Петрановская 2015: 240–241].

практик, признанных взять под контроль эти изменения. Тело переходного возраста конструируется как обезображенное изменениями и отчужденное от ребенка.

Авторы современных энциклопедий для девочек пишут в условиях отсутствия институционального авторитета, чаще всего они не авторизируются как профессионалы или как женщины с соответствующим личным опытом. Женщины-писательницы избегают ссылаться на личный опыт как на источник знания. Модус авторизации начинает реализовываться через конструирование проблемного опыта подростка. Такие репрезентации высокоэкспрессивны, — это черта, присущая энциклопедиям не только 2000—2010-х, но и 1970—1980-х годов.

Арина Тарабукина в своей статье «Здравствуй, дружок!» пишет, что в 1990-е годы отвращение автора перестает читаться в портретах подростков [Тарабукина 2003]. Кажется, этот вывод — погрешность выборки, о чем свидетельствуют примеры из современных книг. А вот когда художественное обезображивание тела подростка действительно не практиковалось, так это в XVIII веке. Можно предположить, что репрессивные способы установления легитимности педагогической программы требуются авторам в условиях отсутствия институционального авторитета. В пользу этой версии свидетельствует редкость приема в книгах XVIII века: лишь у Борноволокова присутствуют элементы конструирования опыта читательницы, остальные же авторы, являясь анонимами или профессиональными наставниками, не нуждаются в использовании этого приема. Кроме того, в XXI веке консультационная литература для девочек выпускается под женскими именами, так что можно предположить, что женщины-писательницы более склонны конструировать опыт девочек-подростков, чем мужчины.

* * *

Инна Сергиенко, завершая статью о тематических и идеологических пересечениях «Послания к дочери» Кампе и первого российского журнала для девочек «Маруся», пишет: «Гендерная концепция, транслируемая Кампе, достаточно консервативная даже для своей эпохи, воспроизводится на страницах первого российского журнала для девочек и в определенной степени является регрессивной по отношению к предшествующей советской эпохе» [Сергиенко 2018: 149]. Действительно, книга Кампе, заменившая в программе Смольного пособие «О должностях человека и гражданина» [Kelly 2001: 62], наставляет учениц лишь в области «приватной сферы». Однако более позднее издание Воскресенского, ссылавшегося на немецкого педагога, направлено во многом на политическое образование девиц, как и текст Борноволокова. Современные инструктирующие книги для девочек регрессивны по отношению к аналогичным текстам Просвещения. В современных энциклопедиях гражданственность исчезает полностью, стирая политический контекст женской жизни для девочек, повзрослевших в нулевые. Одновременно содержательный акцент смещается с домашней экономики на навигацию в «эпохе потребления»: девочек просвещают о практиках красоты, в том числе сообщая им покупательские компетенции в рамках индустрии, которая обещает, действуя в этом случае заодно с возрастом, «нормализовать» подростковые тела.

В постсоветской детской литературе начинают развиваться новые коммерческие жанры, тематическое и языковое разнообразие расширяется так сильно, что можно говорить об очередном перерождении книги для детей, в любом случае уместно говорить о ее серьезном обновлении. С точки зрения сегодняшнего отношения к детству репрессивные режимы репрезентации детского, встречающиеся в энциклопедиях для девочек, видятся шокирующими и такими же представляются сегодняшнему читателю тексты назидательных повестей XVIII века с центральным сюжетом о смерти ребенка, с которых начиналась детская литература в Российской империи.

В ситуации постсоветской России энциклопедии для девочек на время стали каналом трансляции консервативных идей о семье и женственности во время, когда гендерный контракт радикально поменял условия. Женщины-писательницы оказались перед задачей производства инструктирующего текста о гендере, может быть, не чувствуя за собой институционального авторитета; но коммерциализация женственности обещала заработок, и во многих областях культурного производства обещание это держит по сей день. Пытаясь стать подругами своим читательницам и одновременно легитимироваться в качестве советчиц, авторы 2000—2010-х воспроизвели дискурсы отчуждения тела, наработанные в публицистике 1990-х [Сергиенко 2018], обещая своим читательницам контроль над меняющимся телом.

Сравнение дидактических текстов XVIII—XIX и XXI веков указывает на трансформацию в этонормативных отношениях: с одной стороны, ребенок и подросток остаются объектом наставления, а книжный проект по конструированию «подростковости» переживает интенсивный рост, сравнимый с эпохой Просвещения. Предписания ребенку о том, каким ему стать, расписаны в требованиях многочисленных энциклопедий. С другой стороны, требования к позиции автора стали размытыми. Позиция родителя/взрослого, в XVIII—XIX веках уже представлявшаяся «естественной властью», легитимным локусом наставления, поменяла значение. Автор XVIII—XIX веков мог предстать заботливым родителем (Борноволоков), опытным наставником (Воскресенский), выступать просто с позиции старшего, никак ее не упоминая (анонимные тексты). В рамках коммерческого проекта XXI века интенсивно применяются разные нарративные приемы, как традиционные (научение из примера), так и модерные (личный опыт). Кроме того, появляются совсем новые способы авторизации, каким является репрессивный дискурс относительно образа тела, озвученный «от лица самой читательницы» (конструирование опыта). Распределение власти в дискурсивных отношениях «автор — читатель» изменилось: нормативный образ читателя прописан четко, но образ автора в этих текстах оказывается мозаичным, а авторский голос — неуверенным и кажется оттого порой нерефлективно жестоким.

Библиография / References

- [Андреева, Усачева 2012] — *Андреева И., Усачева Е.* 14, 15, 16! Все о любви и красоте для девочек. М.: Эксмо, 2012.
- (*Andreeva I., Usacheva E.* 14, 15, 16! Vse o lyubvi i krasote dlya devochek. Moscow, 2012.)
- [Байфорд 2013] — *Байфорд Э.* Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8. С. 1—7.
- (*Byford E.* Parent, Teacher, Doctor: Towards a History of their Interactions in Matters of Upbringing and Education in Pre-revolutionary Russia // *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya.* 2013. № 8. P. 1—7. — In Russ.)
- [Батлер 2000] — *Батлер Дж.* Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Сост. Е. Гапова, А. Усманова. Минск: Профили, 2000. С. 297—346.
- (*Butler J.* Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity // *Antologiya gendernoy teorii / Comp. by E. Gapova, A. Usmanova.* Minsk, 2000. P. 297—346. — In Russ.)
- [Борноволоков 1809] — *Борноволоков Т.С.* Советы семидесятилетней бабки внучке. СПб.: И. Байков, 1809.
- (*Bornovolokov T.S.* Sovety semidesyatiletney babki vnuchke. Saint Petersburg, 1809.)
- [Верду 1990] — *Верду К., Коэн Ж., Кантан Ж., Торжман Ж.* Энциклопедия сексуальной жизни. Физиология и психология: Для детей 7—9 лет / Пер. с фр. Т. Большаковой. М.: Дом, 1990.
- (*Verdoux Ch., Cohen J., Kahn-Nathan J., Tordjman G.* Encyclopedie de la vie sexuelle de la physiologie à la psychologie. Moscow, 1990. — In Russ.)
- [Веркин, Усачева 2006] — *Веркин Э.Н., Усачева Е.А.* Для стильных девчонок... и не только: настольная книга по жизни. М.: Эксмо, 2006.
- (*Verkin E. N., Usacheva E.A.* Dlya stil'nykh devchokok... i ne tol'ko: nastol'naya kniga po zhizni. Moscow, 2006.)
- [Воскресенский 1813] — *Воскресенский И.И.* Нравочение для благородных воспитанниц общества благородных девиц и института Ордена Св. Екатерины. Ч. 1—4. СПб.: При 1-м кадет. корп., 1813.
- (*Voskresensky I.I.* Nravouchenie dlya blagorodnykh vospitanits obshchestva blagorodnykh devits i instituta Ordena Svy. Ekateriny. Pt. 1—4. Saint Petersburg, 1813.)
- [Гостинец 1821] — *Гостинец прекрасным малюткам, или Наставление молодым де-*
- вицам в разных рукоделиях и домашнем хозяйстве.* М.: Тип. С. Селивановского, 1821.
- (*Gostinets prekrasnym malyutkam, ili Nastavlenie molodym devitsam v raznykh rukodeliyakh i domashnem khozyaystve.* Moscow, 1821.)
- [Дёмина 2000] — *Дёмина И.* Для вас, девочки. Энциклопедия. М.: Мартин, 2000.
- (*Demina I.* Dlya vas, devochki. Entsiklopediya. Moscow, 2000.)
- [Землянская 2009] — *Землянская М.* Новейшая энциклопедия для девочек. Литрес, 2009 // <https://www.litres.ru/margarita-zemlyanskaya/noveyshaya-enciklopediya-dlya-devochek/>.
- (*Zemlyanskaya M.* Noveyshaya entsiklopediya dlya devochek. Litres, 2009 // <https://www.litres.ru/margarita-zemlyanskaya/noveyshaya-enciklopediya-dlya-devochek/>.)
- [Иванова 2008] — *Иванова Н.С.* Секреты моей мамы: энциклопедия взрослых тайн для девочек. М.: РИПОЛ-классик, 2008.
- (*Ivanova N.S.* Sekrety moey mamy: entsiklopediya vzroslykh tayn dlya devochek. Moscow, 2008.)
- [Карманная книжка 1784] — *Карманная, или Памятная книжка для молодых девиц, содержащая в себе наставления прекрасному полу, с показанием, в чем должны состоять упражнения их.* М.: Иждив. Н. Новикова и компании, 1784.
- (*Karmannaya, ili Pamyatnaya knizhka dlya molodykh devits, sodержashchaya v sebe nastavleniya prekrasnomu polu, s pokazaniem, v chem dolzhny sostojat' upravneniya ikh.* Moscow, 1784.)
- [Коротеева 1992] — *Коротеева Л.* Золушка становится принцессой. М.: Педагогика, 1992.
- (*Koroteeva L.* Zolushka stanovitsya princessoy. Moscow, 1992.)
- [Костюхина 2008] — *Костюхина М.С.* Золотое зеркало. Русская литература для детей XVIII—XIX веков. М.: ОГИ, 2008.
- (*Kostyukhina M.S.* Zolotoe zerkalo. Russkaya literatura dlya detey XVIII—XIX vekov. Moscow, 2008.)
- [Коутс, Трайтс 2011] — *Коутс К., Трайтс Р.С.* Теоретические подходы к изучению детской литературы // Конструируя детское: филология, история, антропология / Пер. с англ. А. Чайкиной, Ф. Вагизовой. М.; СПб.: Азимут; Нестор-История, 2011. С. 62—77.
- (*Coats K., Trites R.* Theoretical Approaches to Studying Children's Literature // *Konstruiruyaya detskoe:*

- filologiya, istoriya, antropologiya. Moscow; Saint Petersburg, 2011. P. 62—77. — In Russ.)
- [Луковкина 2013] — *Луковкина А.* Девчоночы секреты. Литрес, 2015 // <https://www.litres.ru/aurika-lukovkina/devchonochi-sekrety/chitat-onlayn/>.
- (*Lukovkina A.* Devchonoch'i sekrety. Litres, 2015 // <https://www.litres.ru/aurika-lukovkina/devchonochi-sekrety/chitat-onlayn/>.)
- [Лучкина 2013] — *Лучкина О.А.* Институты рекомендательной библиографии для детского чтения в дореволюционной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1. № 3. С. 22—34.
- (*Luchkina O.A.* Instituty rekomendatel'noy bibliografii dlya detskogo chteniya v dorevolutsionnoy Rossii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2013. Vol. 1. № 3. P. 22—34.)
- [Мазаева 2011] — *Мазаева И.* Super girl!: энциклопедия для современных девочек. М.: Эксмо, 2011.
- (*Mazaeva I.* Super girl!: entsiklopediya dlya sovremennykh devchonok. Moscow, 2011.)
- [Петрановская 2015] — *Петрановская Т.* Тайная опора: привязанность в жизни ребенка. М.: АСТ, 2015.
- (*Petranovskaya T.* Taynaya opora: privyazannost' v zhizni rebenka. Moscow, 2015.)
- [Сергиенко 2015] — *Сергиенко И.А.* «Смерть героя»: сюжет о гибели ребенка в нравоучительной прозе конца XVIII в. // Детские чтения. 2015. № 1 (7). С. 113—127.
- (*Sergiyenko I.A.* "Smert' geroya": syuzhet o gibeli rebenka v pravouchitel'noy proze kontsa XVIII v. // Detskie chteniya. 2015. № 1 (7). P. 113—127.)
- [Сергиенко 2018] — *Сергиенко И.А.* Педагогические концепции XVIII века и проблемы гендерной социализации девочек-подростков в постсоветский период: «Отечские советы дочери» И.-Г. Кампе (1789) и журнал «Маруся» // Уральский филологический вестник. 2018. № 3. С. 139—151.
- (*Sergiyenko I.A.* Pedagogicheskie kontseptsii XVIII veka i problemy gendernoy sotsializatsii devochek-podrostkov v postsovetskiy period: "Otecheskie sovety docheri" I.-G. Campe (1789) i zhurnal "Marusya" // Ural'skiy filologicheskij vestnik. 2018. № 3. P. 139—151.)
- [Синичкина 2000] — *Синичкина Е.* Уроки стилиста. Книга для девочек. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
- (*Sinichkina E.* Uroki stilista. Kniga dlya devochek. Moscow, 2000.)
- [Снегирева 2012] — *Снегирева А.* Секреты красоты, тайны женской магии. Книга для девочек. Литрес, 2012 // <https://www.litres.ru/alena-snegireva/sekrety-krasoty-tayny-zhenskoj-magii-kniga-dlya-devochek/chitat-onlayn/>.
- (*Snegireva A.* Sekrety krasoty, tayny zhenskoy magii. Kniga dlya devochek. Litres, 2012 // <https://www.litres.ru/alena-snegireva/sekrety-krasoty-tayny-zhenskoj-magii-kniga-dlya-devochek/chitat-onlayn/>.)
- [Снегирева 2013] — *Снегирева А.* Я сама. Книга для девочек. М.: АСТ, 1999.
- (*Snegireva A.* Ya sama. Kniga dlya devochek. Moscow, 1999.)
- [Тарабукина 2003] — *Тарабукина А.* «Здравствуй, дружок!»: подросток в детской сексологии // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства. М.: ОГИ, 2003. С. 90—98.
- (*Tarabukina A.* "Zdravstvuy, druzhok!": podrostok v detskoj seksologii // Detskiy sbornik. Stat'i po detskoj literature i antropologii detstva. Moscow, 2003. P. 90—98.)
- [Фуко 1996] — *Фуко М.* Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с фр., сост. и коммент. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 7—46.
- (*Foucault P.-M.* Qu'est-ce qu'un auteur? // Foucault P.-M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Moscow, 1996. P. 7—46. — In Russ.)
- [Шадрина 2017] — *Шадрина А.* Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (*Shadrina A.* Dorigie deti: sokrashchenie rozhdaemosti i rost "tseny" materinstva v XXI veke. Moscow, 2017.)
- [Энциклопедия 1994] — Энциклопедия для девочек: [сборник]. СПб.: Респект, 1994. (Entsiklopediya dlya devochek [sbornik]. Saint Petersburg, 1994.)
- [Энциклопедия 1995] — Энциклопедия для маленьких принцесс. СПб.: Диамант, Золотой век, 1995. (Entsiklopediya dlya malen'kikh printsess. Saint Petersburg, 1995.)
- [Kelly 2001] — *Kelly C.* Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- [Nikolajeva 2009] — *Nikolajeva M.* Power, Voice and Subjectivity in Literature for Young Readers. Routledge, 2009.
- [Nodelman 1992] — *Nodelman P.* The Other: Orientalism, Colonialism, and Children's Literature // Children's Literature Association Quarterly. 1992. Vol. 17. № 1. P. 29—35.
- [Nodelman 2008] — *Nodelman P.* The Hidden Adult: Defining Children's Literature. Baltimore: JHU Press, 2008.

- [Omelchenko, Nartova, Krupets 2018] — *Omelchenko E., Nartova N., Krupets Y.* Escaping Youth: Construction of Age by Two Cohorts of Chronologically Young Russian Women // *Young*. 2018. Vol. 26. № 1. P. 34—50.
- [Ruys 2008] — *Ruys J.F.* Didactic 'I's and the Voice of Experience in Advice from Medieval and Early-Modern Parents to their Children // *What Nature Does Not Teach: Didactic Literature in the Medieval and Early-Modern Periods*. Turnhout: Brepols, 2008. P. 129—162.
- [Spitzer 1946] — *Spitzer L.* Note on the Poetic and the Empirical 'I' in Medieval Authors // *Traditio*. 1946. Vol. 4. P. 414—422.
- [Winch 2011] — *Winch A.* "Your new smart-mouthed girlfriends": Postfeminist Conduct Books // *Journal of Gender Studies*. 2011. Vol. 20. № 4. P. 359—370.